

-Цирк- (1928)

-Пилигрим- (1923)

-Иммигранты- (1917)

-Огни большого города- (1931)

-Малыш- (1921)

-Великий диктатор- (1940)

-Король в Нью-Йорке- (1956)

С присужденным ему в 1975 году английской королевой Рыцарским крестом на груди Чаплин снялся в кругу своей семьи. Слева направо: дочери Энни, Джозефина, жена Ука, младший сын Кристофер, дочери Джеральдина и Джейн

-Лечение- (1917)

На советских экранах не идет ни одной чаплинской картины. Не идет уже много лет. С этих юбилейных фраз приходится начинать.

Сто лет со дня рождения Чарльза Спенсера Чаплина или почти сто лет одиночества без его картин?

Нот Чаплина в нашем действующем фильмофонде. У меня все теплилась надежда. Несколько лет назад в Вильнюсе, где с помощью ЭВМ дело налажено так, что в любую минуту и в кратчайший срок можно узнать, где, в каком городе или селе, или на фильмобазе находится любая копия, сколько отработала она свансов и набрала зрителей, я задал умнице кинофигуратору по фамилии Друг этот чаплинский тест: «Ну, Друг, а в дру?!» - Нет. Чаплин нигде не находился.

Можно ли вообразить себе Кино без Чаплина, его главного действующего лица? Можно ли вообразить себе девственную публику — целую страну! — не оплодотворяемую гением Чаплина? Оказывается, можно. Среди рок-шлягеров, сотрясающих эфир, есть один, скандирующий на «адсадной ноте»:

Чарли Чаплин,
Мы тебя все любим,
Чарли Чаплин,
Ты так нужен людям.

Эти балабашные строчки — ложь. «Лаж» в стиле рок. Шагают в очередным «зарницам» пионерские отряды, ни разу не надорвавшие живот над чаплинскими короткометражками. Вызревает студенчество, незнакомое с творчеством Чаплина и безразличное к нему.

Нет на нашем экране маленького человека, которому протягивает цветок прозревшая цвето-ница в финале «Огни большого города». Нет его лица, глаз и великой разгадки сюжета. Нет на экране рыцаря-бродяги, которого обстреливают из трубочек мальчишки-сорванцы, и зал хохочет, а потом вдруг осекается, почувствовав, что в пору и заплакать. Чаплин владел уникальным даром облагораживания людей. Прямо в зрительном зале. «Мой целью

было, что чаплинские фильмы были в наших закромах, да по сей день — убеждался в этом не раз! — попросту не знают, что «Цирк» и «Золотая лихорадка», «Огни рампы» и «Король в Нью-Йорке» были куплены нами и как будто шли на экранах. И снова на встречах со зрителями вопросы, записки: когда же мы, наконец, увидим Чаплина? Прокатные итоги были постыдными и, как обычно, неопубликованными. Но их следовало бы опубликовать сегодня для нравственного самоочищения.

«Чарли Чаплин, мы тебя все любим, Чарли Чаплин, ты так нужен людям».

Коснемся причин более глубоких и драматических. У массового зрителя киноискусства — отнюдь уже не молодого, разменявшего целое столетие — существует косяная предубежденность против старых картин. Не сегодняшние значит устаревшие. Есть убежденность, что киноискусство — это в основном зрелище новых фильмов. Современный конвейер. Подобного восприятия, естественно, нет по отношению к литературе, музыке, изобразительным искусствам. Вы представляете себе, что случилось бы с интеллектом и сердцем читателя, если бы он пользовался только современной литературой («например, прозу журнала «Молодая гвардия»)?

Лишь с ксеной позиции чаплинские картины могли показаться устаревшими. Речь всерьез могла бы идти лишь о старомодности одежд и интерьеров, о черно-белом изображении и неширокоформатности, о стилистике, естественной для Чаплина и его времени... И все же этот Рубикон еще предстоит одолеть (очевидно, не без помощи видео) всему мировому сообществу зрителей.

Но Рубикон, как мы увидели в «Амаркорде» Ф.Феллини, весьма молчаливая и преодолимая режиссура. Не существует, к примеру, никакой дистанции между чаплинскими немыми короткометражками и современным кинозалом. Парадоксально, но более «устаревшими» представляются самые поздние картины Чаплина. Однажды мне довелось оказаться по другую сторону зала за огромным холстом киноэкрана, на который проецировалась старинная чаплинская лента «Реквизитор». Я стоял на темной сцене, куда докатывались волны гомерического хохота, рядом с экраном, до которого можно было дотронуться, чуть ли не пощупать чаплинский котелок, всего в нескольких

шагах от Чарли и его партнеров, самозабвенно выполнявших свою комедийную работу — сиюминутно, на наших глазах, и все же тогда — в отдаленнейшем 1914-м... Это было непередаваемое ощущение пульсирующей жизни и вечности чаплинской киноленты! В той уральской поездке мне посчастливилось смотреть эту короткометражку раз десять подряд, и на гениальном прямоугольнике экрана я постоянно открывал какие-то новые, не замеченные ранее трюки, остроумнейшие штрихи, детали, нюансы и великолепие целого. «Короткометражное» чаплинского заряда вполне хватило бы на годовой тоннаж наших мысленных кинокомедий...

Но сегодня и десятиминутного «Реквизитора» не увидишь на экране. Мы лишены юридического, коммерческого права демонстрации чаплинских картин. Нас всегда поджимали деньги. Всегда на Чаплина не хватало. И наш народ никогда не располагал причастующим ему собранием чаплинских творений. Более-менее сносно было с раними короткометражками. Перед войной счастливицам удалось увидеть «Огни большого города» и «Новые времена»... И снова десятилетия безвременья в нашем общении с Чаплином... Потом палачья история из семидесятых... И снова пустота... Чинюное бескультурье, прячущееся за безденежеством.

Но представьте себе, если б нашего Пушкина издавали и предлагали публике подобным способом! До войны — почитайте «Евгения Онегина», переоденные с четверть века, в макулатурные семидесятые — получите академическое издание «Повестей Белкина» и, скажем, «Бахчисарайский фонтан», а уж «Маленькие трагедии»... в следующем тысячелетии.

Но ведь и Чаплин — вершина мировой культуры. Только сегодня мы начинаем осознавать истинные масштабы его героя — не «маски», не ярящущего,

но проходного персонажа с котелком и тросточкой, не «маленького человека», а титана, Дом Кихота XX века, защитника низов, идальго-простолюдина, сражающегося отнюдь не с ветряными мельницами.

По тысяче вопле ясных обстоятельств маленький Чарли — необходимейшая фигура на нашем экране, в нашем перестраивающемся обществе. Я голосую за этого народного депутата.

Но Чаплин сегодня не с нами. Александр Иванович*, Элем Германович**, Андрей Сергеевич***, вы считаете это нормальной ситуацией?

Так кто же для нас Чарльз Спенсер Чаплин сегодня?

Конечно, это светлые воспоминания, заветный уголок сердца, драгоценное прошлое и мечта о будущем.

Но это и ветхая память, оскользающая в склороз, в темное беспмятство. ...Помню тогда, в семидесятые, в полупустом подмосковном кинотеатре мы смотрели семьей чаплинский «Цирк». Варя, моя четырехлетняя дочь, с рождичей, перемазанной черникой, была впервые отведена в кино. Сидя на материнских коленях, она как-то независимо от нас установила контакт с экраном и вот уже хохочет со всеми, приобщившись к планетарному сообществу чаплинских зрителей. Ей нескладно повезло с самым первым фильмом в ее жизни!.. И вдруг, растопырив ручки, она кинулась к зазеркальному экрану с ликующим воплем: «Чапли! Чапли!!!» Ребенок — это изначально движение, это само собой катящееся колесо, как говорил Заратустра. Вот и мое маленькое колесико покатило было к Чаплину... Помню, что этот сентиментальный кусочек вырезали из моей давней литгазетовской статьи о Чаплине. Бог с ним, с кусочком, куда

ужо, что из жизни моей теперь шестнадцатилетней дочери «вырезали» самого Чаплина.

Что помнят, знают они, что освоены в гениальной Чаплинине? В лучшем случае — силуэт очень смешного и симпатичного человечка с усиками и в котелке... ворох уморительных разрозненных кадров, рассмотренных по «шпичку» — как ботинки кушал и шнурюк, — как танцевал булочками, — как ему розу девушка подарила... из фильмов вроде бы и без названия... И еще — проблески небывалого зрительского счастья. Но Чаплин нечто иное. Чаплин — это способ знакомства с человечеством — один из самых проверенных, надежных и прекрасных. Не следует уклоняться от этого знакомства, особенно в масштабах страны, ее многомиллионного народа.

Вот о чем мне хотелось сказать в этот грустный и высокий час чаплинского юбилея.

* А. И. Камшалов, председатель Госкино СССР ** Э. Г. Климов, первый секретарь правления Союза кинематографистов СССР *** А. С. Смирнов, и.о. первого секретаря правления СК СССР.

ЧАПЛИНИАНА В РИСУНКАХ

Есть в Москве художник Григорий Бенционович Ингер. Большую часть созданных им произведений составляют портреты его любимых композиторов. Однако, пожалуй, самые веселые, красочные и озорные произведения посвящены... Чарли Чаплину. Лишьность Чаплина заинтересовала его еще в молодости, когда в 1939 году он увидел фильмы «Огни большого города» и «Новые времена». С тех пор великий Чаплин стал любимейшим персонажем художника. Для работы Ингер выбрал тушь, карандаш, акварель и гуашь. Совсем не стремясь к максимальному портретному сходству, художник видит главную цель своей работы раскрытие внутреннего мира замечательного комика.

В коллекции Ингера Чарли Чаплин в роли нищего неудачника из «Огни большого города». Его взгляд выражает грусть и в то же время надежду. На других рисунках мы узнаем Чаплина из «Цирка», «Малыша», «Новых времен», забавных короткометражек, где всецело перемазан в юмор, а юмор с тоской. Иногда мы встречаем рисунки скорее похожие на дружеские шаржи. Хотя, как кажется, художник довольно точно отразил в своих работах внутренний мир Чаплина, он и по сей день возвращается к образу этого всеми любимого, неповторимого мастера мирового кино.

А. МИХАЙЛОВА

Фото из фондов ВНИИ киноискусства, «Советского экрана», а также из личного архива А. В. Кукаркина.

На последней обложке — рисунки художника Г. Ингера.

БЕЗ ТЕБЯ ДОМ МОЙ ПУСТ

Андрей ЗОРКИЙ